

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Исследовательская статья

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Гибадуллина М. Р.
Кусанова Д. С.

Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок
Республики Татарстан

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
улица Левобулачная, дом 36а, Казань, 420111, Россия
g.milya@mail.ru
dinaradinaria@mail.ru

Аннотация. Развитие современных технологий оказывает влияние на формирование новых отношений в обществе. Возможности социальных сетей и блогинга способствовали переходу от прежних видов общественного взаимодействия к новым сетевым формам. Исследовательская проблема заключается в постоянной изменчивости феномена активизма. Так, на примере женского мусульманского активизма в Республике Татарстан, предпринята попытка осмысления данного феномена в рамках реляционной сетевой теории. Проведено 6 нарративных интервью с мусульманками-блогерами, которые ведут активную социальную и публичную деятельность в Республике Татарстан. Информанты являются представителями таких сфер как благопристойная мода, детский и подростковый досуг, спорт, работа с мусульманской молодежью. По результатам исследования мы пришли к следующим выводам. Первоначальное неформальное общение мусульманок-блогеров привело к консолидации субъектов блогерского сообщества и формированию сети мусульманок-активисток региона. Данная сеть позволяет наращивать социальный капитал внутри мусульманского сообщества, благодаря масштабированию и объединению общей деятельности. В дальнейшем неформальные объединения регистрируются как юридические организации для расширения возможностей. Женский мусульманский активизм оказывает влияние на трансформацию образа современной мусульманки, которая демонстрирует успехи и в бизнесе, и в семейных отношениях. Особенностью мусульманского женского активизма является ведение деятельности в рамках религиозных предписаний и развитие уммы в реалиях современного общества. Например, проекты мусульманок-активисток направлены на поддержку молодых девушек, которые только вступили на путь религии и могут сталкиваться с неприятием или буллингом в своем окружении.
Ключевые слова: сети; сетевая теория; мусульманки; активизм; женский религиозный активизм

Информация для цитирования: Гибадуллина М. Р., Кусанова Д. С. Новые формы сетевого активизма на примере мусульманок Республики Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 16-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Milyausha R. Gibadullina
Dinara S. Kusanova

New forms of network activism on the example
of muslim women of the Republic of Tatarstan

Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
bld.36a, Levobulachnaya St., Kazan, 420111, Russia
g.milya@mail.ru
dinaradinaria@mail.ru

Abstract. Development of modern technologies influences the formation of new relations in society. Possibilities of social networks and blogging contributed to the transition from former types of social interaction to new forms of networking. The research problem consists in constant changeability of activism phenomena. Thus, there was an attempt to comprehend this phenomenon within the frameworks of relational network theory on the example of women's Muslim activism in the Republic of Tatarstan. During the research 6 narrative interview were conducted with Muslim women bloggers who have active social and public life in the Republic of Tatarstan. These informants are representatives of such spheres as modest fashion, kids' and teenagers' leisure-time, sport, work with Muslim youth. According to the results of the research, we came to the following conclusions. Initial informal communication of Muslim women bloggers led to consolidation of subjects of the blogging community and formation of the Muslim activists' network of the region. This network allows expanding social capital within Muslim society due to ranging and integration of collaborative activity. Hereinafter informal associations usually are registered as legal organizations for extension of possibilities. Women's Muslim activism exerts an impact on image transformation of the modern Muslim woman who demonstrate success both in business and in family relationships. The peculiarity of Muslim women's activism is the conduct of activities within the framework of devotional duties and development of the Ummah in the realities of contemporary society. For example, the projects of Muslim woman activists are directed on supporting young girls who have just entered the path of religion and may face rejection or bullying in their environment.

Keywords: networks; network theory; Muslim women; activism, women's religious activism

Information for citation: Gibadullina, M. R., Kusanova, D. S. (2022), "New forms of network activism on the example of muslim women of the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 16-27. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-2

Введение (Introduction). С начала 2000-ых гг., когда Верховный суд Российской Федерации разрешил мусульманкам фотографироваться на паспорт в платке, начинается новый этап взаимоотношений ислама и государства. Инициаторами су-

дебного иска стали мусульманки – Гельфания Ахметшина, Гульнура Нурева, Минниса Муксинова, данный инцидент широко освещался в СМИ¹. Современные методы коммуникаций, возможности Интернета позволяют привлекать широкую обще-

¹ Алексеева О., Идиатуллин Ш. Российские мусульманки не снимут платков перед фотографами // Газета «Коммерсантъ», 15 мая 2003 года. URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/382102> (дата обращения: 11.10.2021).

ственность к обсуждениям различных религиозных вопросов. Это не могло не повлиять на трансформации религиозных установок в связи с новыми реалиями общества. С вполне мирного вопроса о фотографии в паспорте прошло почти 15 лет, и в информационной повестке дня последних годов актуализировалась более сложная тема женского обрезания. После отчетов общественной организации «Правовая инициатива», ранее табуированная тема о практике, свойственной закрытому Кавказу, вышла в широкое информационное поле (Antonova, Siradzhudipova, 2016; Антонова, Сиражудинова, 2018). Тема поднимается в публицистике, в научных работах, в выступлениях чиновников, религиозных деятелей². Еще один пример более масштабного конфликта, который касается широких слоев населения практически каждый день – вопрос ношения платков (хиджабов) в образовательных учреждениях³.

Мусульманки принимают активное участие в обсуждение острых социальных и религиозных вопросов, публично высказывают свое мнение, обращаются не только к религиозным, но и светским институтам, привлекая широкую общественность. Такую возможность дали современные технологии, формирующие открытость и гласность. Сейчас уже сложнее скрыть калечащие традиции, насилие, несправедливость. Конечно, абсолютной безопасности и открытости не существует, но мы не можем отрицать, что происходят существенные изменения в механизмах формирования новой информационной повестки. Заметную роль в данном процессе играют блогеры, ведущие личные страницы в социальных сетях, не практикующих жесткое цензурирование. В большинстве

своем площадкой для ведения аккаунта становится социальная сеть Instagram⁴, являющаяся самой популярной среди пользователей (1 млрд скачиваний). Развитие личного блогинга позволяет формировать новые сети различных профессионалов, общественников или религиозных людей. Объединяясь, лидеры мнений становятся авторитетами для некоторого числа обывателей, к их суждениям прислушиваются и им доверяют.

Методология и методы (Methodology and methods). «Женский вопрос» в исламе – сложный социальный и культурный феномен, который обсуждается и остается спорным среди современных исследователей, и в религиозном сообществе, в частности. Кроме определения самой концептуальной сущности феномена, сложность изучения обуславливается и неоднородностью самого явления в зависимости от временных и пространственных границ. Как правило, исследования проводят в контексте развития определенных государств и исторических эпох. Например, изучаются феминизм Арабского Востока, Северной Африки (Костенко, Понарин, Стребкова, 2019; Glas, Alexander, 2020; Glas, Spierings, Scheepers, 2018), роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран, на примере Туниса, Ливана и Турции (Гаджимурадова, Рабат, 2020), женская активность на Северном Кавказе (Сиражудинова, 2021a, 2021b), мусульманки Нидерландов (Bracke, 2011), организация и СМИ-стратегии мусульманских активисток Индии (Mengia Hong Tschalaer, 2015) и т.д. Зарубежные авторы рассматривают способы, с помощью которых мусульманские женщины стремятся использовать СМИ и Интер-

² Бельченко Н. Женское обрезание – норма? Ингушские следователи не увидели проблему в калечащих операциях // Кавказ. Реалии, 20 июня 2020 года. URL: <https://www.kavkazr.com/a/30737407.html> (дата обращения: 11.10.2021); Муфтият Дагестана объяснил, что такое женское обрезание // Риа новости, 15 марта 2021 года. URL: <https://ria.ru/20200818/1575935879.html> (дата обращения: 11.10.2021).

³ «Либо снимай, либо уходи!» Российские школы столкнулись с новой проблемой // Риа новости, 20

сентября 2021 года. URL: <https://ria.ru/20210920/shkoly-1750599691.html> (дата обращения: 11.10.2021); Кадыров резко отреагировал на слова министра Васильевой о хиджабах в школах // BBC news русская служба, 25 января 2017 года. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38749399> (дата обращения: 11.10.2021).

⁴ Meta, в том числе ее продукт Instagram, признана экстремистской организацией в России

нет (особенно социальные сети) для обсуждения вопросов безопасности, прав и свобод, в том числе и феномен онлайн домогательств (Hirji, 2021), анализируют роль гендерных дискурсов в «войне с террором» (Massoumi, 2015).

Что касается «женского вопроса» в исторической ретроспективе, то в периодической печати татар-мусульман часто освещались правовое положение женщины как в обществе в целом, так и среди мусульман (Брилева, 2018). Зарождаясь в литературных произведениях, где женские образы стремятся к лидерству, образованности и самостоятельности, осмысление места и роли женщин в обществе, в том числе и религиозном, переходит в публицистику, например, в работах И. Гаспринского, Р. Фахретдина, З. Камали, З. Кадыри и других. Так, М. Бигиев в нескольких своих трудах изучил ряд аспектов женского вопроса, выступив против общепринятых на тот момент стереотипов о несовершенности и неполноценности женщины (Хайрутдинов, 1999: 119-137). Размышления ученого о том, что несчастная и униженная женщина является свидетельством униженности и бессилия всего общества, находили горячий отклик не только в России.

Сегодня активно продолжается осмысление трансформации женского вопроса у татар и на территории Республики Татарстан (Саттарова, 2015; Гараев, 2019; Гузельбаева, Мчедлова, 2020). Исследуются различные аспекты религиозности и религиозной жизни в ракурсе гендерной принадлежности. Л.Ш. Давлетшина в своей статье рассматривает мусульманок, занимавшихся благотворительностью в сфере образования, как, например, Амина ханум Сыртланова, Суфия Джантурина – основатели медресе «Галия» в Уфе, Фатиха Аитова – основательница первой татарской женской гимназии в Казани (Давлетшина, 2009). В работе Д.А. Гусеновой анализируются особенности «женских практик» в неканоническом паломничестве через статусно-ролевые позиции женщин в обществе и «особенностей её психоэмоциональной природы» (Гусенова,

2021:80). Исследуется деятельность отдельных мусульманок-феминисток, активно выступающих за права женщин, причем отмечается не уникальность деятельности современных активисток, а громкая медийная презентация их проектов благодаря современным технологиям (Михалева, 2018).

Особенностью любых форм активизма является высокая скорость трансформации и формирование новых направлений и видов деятельности. В ходе нашего исследования предпринята попытка анализа сети женского религиозного активизма Республики Татарстан в рамках реляционной сетевой теории.

Ряд исследователей, анализируя генезис и эволюцию общего блока «сетевых теорий», работают над разграничением различных ее направлений (Князева, Куркина, 2017; Заякина, 2016; Мальцева, 2018). Несмотря на то, что определяются различные исследовательские подходы (анализ социальных сетей, реляционная социология и акторно-сетевая теория), абсолютной автономности в их применении не существует, и «направления соединяют весьма прочные теоретико-методологические мосты» (Заякина, 2016). Основной принцип сетевых теорий – это изучение связей и отношений между отдельными субъектами, возникающих социальных структур и их влияния на социальное поведение субъектов. Развитие женского мусульманского активизма в регионе формирует новую социальную структуру, в которой исламская идентичность трансформируется, адаптируется под современные реалии (в том числе, с помощью новых коммуникационных каналов). Позиции акторов в сети, с одной стороны, являются детерминантой социального поведения, а с другой стороны, представляю собой социальный капитал, позволяющий реализовывать свои устремления (Князева, 2006). Современные формы активизма в целом тесно связываются с возможностями цифровых коммуникационных каналов (Пырма, 2021). Под религиозным активизмом понимается целенаправленная деятельность по изменению мировоззрения в обществе или отдельных социальных группах на основе религиозных

норм и ценностей, осуществляемая в различных сферах жизни и ориентированная на воссоздание актуальных социокультурных условий (Патеев, 2021). Таким образом, женский мусульманский активизм подразумевает различные формы поведенческих практик мусульманок в публичном пространстве, обусловленных и мотивированных религиозными ценностями, реализуемых посредством и с помощью цифровых технологий. И нами не отождествляется с исламским феминизмом, не несет в себе протестный и радикальный характер.

Нами была выбрана популярная социальная сеть Instagram, так как ее успешные пользователи становятся лидерами мнений и участвуют в формировании повестки дня. Изначально мы подготовили список из 15 блогеров, соответствующих следующим критериям: 1) практикующая мусульманка, в том числе поднимающая в своем блоге религиозные темы; 2) проживающая и ведущая свою деятельность на территории Республики Татарстан; 3) от 20 до 40 лет; 4) количество подписчиков от 20 000 до 140 000; 5) наличие презентуемого «продукта», в виде услуг и товаров. Мы обратились к ним через социальные сети, на контакт с нами вышли две мусульманки. Большая часть проигнорировала сообщение, несколько человек отказали. В дальнейшем информанты набирались методом снежного кома. Проведено 6 нарративных интервью с мусульманками-блогерами, которые ведут активную социальную и публичную деятельность в Республике Татарстан. Информанты являются авторами личных брендов, учредителями организаций и предприятий различных форм собственности. Участники исследования представляют такие сферы как: благопристойная мода, детский и подростковый досуг, спорт, работа с мусульманской молодежью.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Следуя логике реляционной сетевой теории, необходимо раскрыть понятие «сеть». Под сетью принято считать совокупность взаимодействующих людей, характеризующаяся

рядом базовых принципов – децентрализованность и связность (Олескин, 2013). В контексте анализа социальных сетей децентрализованность представляет собой существование нескольких лидеров, относительное равенство статусов, положения, ранга. Под связностью понимается взаимозависимость и тесная кооперация составляющих элементов.

Таким образом, это децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться путем включения новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность. В обществе таким коммуникационным узлом является социальный субъект, способный обрабатывать, накапливать и продуцировать новую информацию, а также быть субъектом свободного волеизъявления и действия. Сетевой структуре присущи горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции (Коробейникова, 2010).

Остановимся на религиозно-философском контексте женского мусульманского активизма. Основные права и обязанности женщин заложены в исламских первоисточниках: Коране и Сунне. В них раскрываются следующие аспекты: духовное равенство мужчин и женщин, условия брака, деторождение, бытовые обязанности, процедура развода, многоженство, экономическое положение женщины, наследственные права. В регионах компактного проживания мусульман наблюдается расхождение адата (традиция, обычай) с шариатом (исламская правовая система), который возник задолго до принятия ислама в определенной местности. Наиболее яркий пример существования адата – кавказский регион, где и сегодня наблюдается данное расхождение (Вента, 2012).

Говоря же о Поволжье начала XX в., исследователи отмечают такие формы женских практик, как домашние индивидуаль-

ные беседы, которые вели жены мулл (абыстаи), коллективные моления, специальные женские молитвенные собрания для наставления молодежи (Балтанова, 2007). На Кавказе, несмотря на низкий уровень эмансипации у женщин, собирались в домах и обучали девочек религии, а по четвергам поминали Аллаха, таким образом, исполняя суфийскую практику зикра (Албогачиева, 2018).

Во всех исламских источниках главная роль женщины и ее место в структуре общества обозначены достаточно четко – религиозное поклонение, замужество, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства. Всё это является обязанностью (фарз). Однако женщина в исламе, помимо основных предписаний, имеет право на реализацию своих профессиональных навыков, при соблюдении некоторых условий: разрешение супруга, соответствие выполняемой работы нормам исламской морали и этики, не противоречие осуществляемой деятельности понятиям дозволенной (халяль) работы, например, запрещено работать в той сфере, где применяется рибха (процент), продаются запрещенные товары (свинина, алкоголь), участвуют в азартных играх (Фролова, 2009: 4). Таким образом, религиозное положение женщин в исламе сводится к основным тезисам: 1) мужчины и женщины в исламе имеют равные права, но учитываются их биологические и психологические особенности, 2) обязанности жены-матери строго регламентированы, 3) профессиональная реализация женщины не запрещена, при условии, что семья не пострадает от отсутствия внимания и заботы матери-жены.

Мусульманки не борются за права с мужчинами, а выступают за большую реализацию прав, данных им религией (из интервью: «В исламе четко прописаны права женщин и мужчин. Начнём с того, что феминизм борется за права, но это немножко странно, потому что нам изначально выделили права, права у женщины есть и достаточно комфортные. Мы не можем сказать, что они у всех равны не потому что у кого-

то больше и меньше, а просто они разные» (интервью 6, Ф.Ш.).

Для информантов семья – основная площадка самореализации, но профессиональная деятельность им интересна и позволяет чувствовать себя уверенно, подавать положительный пример для детей и быть интересными для супруга (из интервью: «Одно дело сидеть дома женщине, воспитывать детей и готовить ужин, ухаживать за семьей, а другое, когда она выходит в свет, общается с себе подобными женщинами и получает огромную, колоссальную энергию для жизни – это очень важно. Хотя, по шариату, мы прекрасно понимаем, что женщина должна сидеть дома, воспитывать детей, но для того, чтобы женщина воспитала разносторонне развитых детей, чтобы она была интересна своему мужу, она должна сама лично развиваться, расти, для этого она должна выйти за рамки своей квартиры, своего дома и посещать такого рода мероприятия и самое главное это наше намерения» (интервью 1, А.Б.); «Для меня, в первую очередь, важна не общественная деятельность, а семья. В первую очередь это дети, довольство своей семьей, благочестивые дети» (интервью 3, Л.Г.). Сохранение баланса между работой и семьей важно, поэтому мусульманки прикладывают много усилий для нахождения компромисса, активно ищут инструменты эффективного тайм-менеджмента и договариваются с членами своей семьи (из интервью: «Вообще, раньше было очень тяжело. И были нянечки. Детки всегда со мной на проектах и на праздниках. Раньше я не знала тему делегирования, сейчас я ее освоила, если у нас есть какой-то праздник, то я одного волонтера беру для моих детей», (интервью 3, Л.Г.); «Относиться лояльно, когда было много административной работы и было мало времени, тогда у нас были небольшие трения на этот счет, тем более там погодки рождались, было немного тяжело. Мы коммуницировали, договаривались, я говорила, что для меня это важно. Он поддерживает меня, не скажу, что он горит

этим так же, как и я, но поддерживает» (интервью 3, Л.Г.).

Отметим, что предпринимательская деятельность мусульманок-активисток не столько направлена на финансовое обогащение, сколько тесно связана с решением социальных задач для благополучия уммы. Иногда свой сложный опыт вдохновляет на авторские проекты, направленные на поддержку других (из интервью: *«Я помню, как я покрывалась в 15 лет, тогда даже индустрия не была развита. Это было очень сложно и сейчас я стараюсь сделать все, чтобы мои проекты помогли девушкам найти себя, свой стиль, друзей, круг общения. Для тех, кто только покрывался, обычно эти девушки чувствуют себя уязвимо. Для тех, кто собирается покрываться, но не может решиться, потому что думает, что нет подходящей одежды. Им будет очень сложно. Помочь тем, кто в возрасте или тем, кто Plus Size, просто чтобы понять, что в любом состоянии и виде мода для девушек открыта, и она помогает им самореализовываться, находить себя и единомышленников» (интервью 5, Д.М.).*

Религиозный активизм сегодня реализуется как в институциональном, так и в неинституциональном поле. Кейс Республики Татарстан демонстрирует оба варианта, например, в рамках деятельности отдела по работе с молодежью Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) ведется разнообразная работа с мусульманками. Здесь сложно провести границу между профессиональной деятельностью организации и гражданской активностью, но мы наблюдаем, как вокруг различных проектов формируется женское мусульманское сообщество. Официальный институт имеет больше ресурсов и инструментов, возможность выходить за территорию региона (из интервью: *«Эти проекты остаются не только в Казани, они уходят за пределы нашей республики, потому, что участники наших мероприятий – это не только мусульманки республики и Казани, но и России. В основном у нас Поволжье очень активное, они, получая некий опыт*

проведения подобных мероприятий, пытаются там найти деньги, привлечь спонсоров, меценатов и ради довольства Всевышнего собрать мусульманок и объединиться с ними» (интервью 1, А.Б.).

Активно складывается и формируется сеть мусульманок, которая первоначально зародилась в социальных сетях. Вторая половина 2010-ых гг. характеризуется развитием личного блогинга в России, в том числе, мусульманки заняли свою нишу в этой сфере. Интересно, что социальная сеть явилась своего рода аккумулятором и фильтром для формирования определенного сообщества в офлайн пространстве (из интервью *«Сначала мы собирали девушек активистов, с активной жизненной позицией, те, кто сейчас в Казани чем-то занимается, имеет экспертное мнение, потом это переросло в более узкую блогерскую тему и люди отсеялись по этому признаку. Фильтром для блогеров мы ставили количество подписчиков около 10 тыс. и какие-то общие человеческие качества, чтобы мы в них сходились» (интервью 6, Ф.Ш.).*

Первоначально мусульманки собирались для разбора своих блогов, анализа и обсуждения. В дальнейшем естественным образом начала складываться дружеская связь, объединенная не только религиозной идентичностью, но и общим делом – поиском путей развития исламских блогов. Например, мусульманки столкнулись с проблемой рекламы: светские персоны не брали на рекламу страницы мусульманок, и сообщество вынуждено было формировать свое поле. Во-первых, темы, поднимающиеся в авторских блогах, чаще всего рассматриваются сквозь призму ислама, например, воспитание, материнство, быт, отношения между мужем и женой, помощь нуждающимся. Однако без внимания не остаются и более личные и интимные темы, в том числе с привлечением профессиональной психологии. Во-вторых, визуальный фото- и видео-контент строго цензурирован, некоторые девушки скрывают лицо или не показывают свою семью, кто-то скрывает и

свой голос. Такие действия связаны с исламским понятием «аурат», когда определенные части тела должны быть закрыты. У женщин это все тело, кроме лица и кистей рук (из интервью: *«Есть же понятие аурат – это те части тела, которые должны покрываться, но в шариате голос женщины тоже является ауратом. Если строго подходить к этому вопросу, то это тоже не совсем одобряемое действие со стороны ислама. Девочки на форуме (Форум мусульманской молодежи) тоже затронули этот вопрос, они предлагают выход из ситуации: ретушировать свое лицо, маски, есть оказывается что-то вроде масок для глаз, но устаз (учитель) тогда сказал, а для чего вы это делаете? Каждый должен задаться вопросом: зачем я пришла в инстаграм, что я там делаю? И как я отвечу на это в Судный день, то вопрос открытости уйдет. Все по намерению»* (интервью 1, А.Б.).

Неофициальная деятельность перешла к созданию юридических лиц, для того, чтобы выйти на новые формы взаимодействия с государством и обществом (из интервью: *«Изначально мы собираемся, общаемся, но это все было как-то не официально, а тут, когда мы решили это все организовать официально появились новые возможности, например, получить какой-то грант физическое лицо это очень тяжело, а если юридическое, то появляются новые возможности, новые горизонты и мы своим членам ассоциации даем эту возможность. Вступая в наше сообщество человек может подать проект от имени ассоциации»* (интервью 2, Г.В.).

Женская мусульманская сеть становится многоуровневой, объединяет как индивидуальных членов общества, так и коллективы профессионалов. Например, созданы Ассоциация социальных женских инициатив «Нур»¹ и Ассоциация психологической помощи мусульманам. Такие объединения позволяют более эффективно воспроизводить и перераспределять различные

ресурсы, например, социальный капитал среди своих участников и повышать вознаграждение (Князева, 2006:83). Таким образом, на сегодняшний день сеть мусульманок-активисток активно расширяется, предоставляя возможности для новых членов, создавая условия для обучения, профессиональной реализации, досуга, позволяя найти эмоциональную поддержку (из интервью: *«Начиная со школьной скамьи девочки, начинают подключаться к общественной, религиозной жизни нашей уммы. Хотя у них в школе царит одна атмосфера, могут быть насмешки, неприятие, а для того, чтобы эти девочки нашли себя, нашли себе друзей, для них как раз таки творческая группа «Бахет Ачкычы»² проводит такие мероприятия, они там общаются, создают свои мини проекты, уроки разные проводят – это в основном школьницы до 18 лет, получается с 13 до 18 у них еще общие интересы, им интересно вместе. С 18 лет этой молодежью уже занимаемся мы [ДУМ РТ], у нас есть учебный отдел, медресе, в медресе тоже проводится воспитательная работа»* (интервью 1, А.Б.).

Деятельность мусульманок-активисток в целом усиливает позиции мусульман в обществе. Проблемы, вопросы, которые они выносят к обсуждению в своих блогах, находят поддержку и широко тиражируются. Например, благодаря деятельности мусульманок-психологов начали обсуждаться экзистенциальные вопросы, проблемы ментального здоровья, интимные отношения в контексте религии. Несмотря на то, что данные темы активно освещались в светском блогинге, присутствие религиозного компонента способствует просвещению религиозной части населения, так как эксперт-мусульманин вызывает больше доверия, пользуется авторитетом, чем светский человек.

Мусульманки-активистки в ходе своей деятельности также сталкиваются с

¹ Перевод с тат. «Луч».

² Перевод с тат. «Ключик счастья».

различными трудностями. С одной стороны, несмотря на достаточно высокий уровень эмансипации в регионе, есть стереотипы касательно мусульманок в публичном пространстве. Например, информантки говорят о чувстве дискомфорта при взаимодействии с мужчинами из числа официального духовенства (из интервью: *«Это был очень большой барьер, в том смысле, что мы мусульманки, нужно было на территории хазратов выступать, это был первый посыл, и первое профессиональное на уровне КФУ проведенное мероприятие. Опыт, когда мы выступали и обучали хазратов, это был нонсенс, хазратов обучали молодые девочки: чему, как, что?»*) (интервью 3, Л.Г.). Не всегда проекты и задумки мусульманок легко принимаются, тем не менее, это не становится поводом для отказа от реализации своих идей (из интервью: *«Fashion iftar вызывает определенное сопротивление, потому, что достаточно несочетаемые понятия – fashion и ифтар. Потому что для всех это что-то сокровенное, но как я считаю, здесь самое важное это намерение. Мое намерение в том, чтобы помочь девушкам. Рамадан помогает раскрыться, помогает найти себя. Одежда, в том числе, очень сильно помогает девушке чувствовать себя уверенно и спокойно»*) (интервью 5, Д.М.).

Таким образом, возможности социальных сетей сегодня – это один из инструментов для личностного роста, профессиональной и творческой самореализации мусульманок. Активно происходит трансформация образа мусульманок, которые все чаще демонстрируют успехи и в бизнесе, и семейных отношениях (из интервью: *«Instagram мусульманкам помогает показать, что мусульманка обычный человек, она занимается и бизнесом, и спортом и еще чем-то»*) (интервью 4, А.Г.).

Заключение (Conclusions). Мусульманки всегда принимали активное участие в жизни уммы, были предпринимателями и благотворителями. В дореволюционный период женский мусульманский активизм представлял собой деятельность жен мулл,

купцов, меценатов и крупных предпринимателей. В основном они использовали капитал своих отцов, мужей. Следующий этап вдохновлен религиозным ренессансом конца XX в., который больше разворачивался в рамках организаций и сообществ, деятельность регламентировалась уставами, и имела структуру и иерархию (членство, лидеры и т.д.), например, «Союз мусульманок Татарстана», ОО РТ «Ак калфак», Союз мусульманских женщин Татарстана «Муслима» и т.д. В цифровую эпоху мы наблюдаем обновление сети активисток-мусульманок, где главным инструментом и ресурсом деятельности выступают площадки социальных сетей.

Сеть мусульманок не имеет четких границ, структуры и иерархии, она динамична и подвижна, неоднородна по своему составу. Например, на данный момент в сети участвуют отдельные личности, дружеские объединения, институты или оформленные юридические лица, мусульманки и немусульманки, светские организации и т.д.

Мусульманки в своей деятельности не стремятся к конкуренции с мужчинами, пересмотру норм ислама. Так как их активизм реализуется в рамках религиозных предписаний, информанты не видят противоречий и ограничений для своей публичной деятельности, женский мусульманский активизм носит мирный и созидательный характер.

В результате исследования, мы пришли к выводу, что социальные связи, возникшие в процессе взаимодействия авторов блогов, привели к 1) консолидации субъектов блогерского сообщества и формированию сети мусульманок-активисток региона; 2) нарастанию социального капитала внутри мусульманского женского сообщества, благодаря масштабированию и объединению деятельности; 3) формализации деятельности. Особенность мусульманского женского активизма состоит в том, что деятельность ведется в рамках религиозных предписаний, она направлена на благополучие российского мусульманского со-

общества. Например, проекты мусульманок-активисток нацелены на поддержку молодых девушек, которые только вступили на путь религии и могут сталкиваться с неприятием или буллингом в своем окружении.

Список литературы

Албогачиева М. С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии // Ислам в современном мире. 2018. № 2. 149-164.

Антонова Ю. А., Сиражудинова С. В. Практики калечащих операций в республиках Северного Кавказа: стратегии преодоления. Издательские решения, 2018. 66 с.

Балтанова Г. Р. Мусульманка: история и современность. Казань: Кокпит-компьютер, 2007. 244 с.

Брилева Д. О. Женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17-36.

Вента Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX-XXI вв. // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 81-88.

Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Роль женщин в политическом дискурсе мусульманских стран // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 3. С. 5-23.

Гараев Д. М. Женские мусульманские организации в Татарстане: между традиционализацией и модернизацией // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12, № 4. С. 985-1000.

Гузельбаева Г. Я., Мчедлова М. М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247-268.

Гусенова Д. А. «Женские практики» в неканоническом паломничестве в исламе // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 2. С. 71-83.

Давлетшина Л. Ш. Благотворительная деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн. 2, ч. 2. С. 106-110.

Заякина Р. А. Топологические представления в реляционной сетевой теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 10 (392). С. 78-83.

Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р. Ф. Патеев, Д. Р. Гильмутдинов, А. А. Закиров и др.; отв. ред. Т.Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021. 448 с.

Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88.

Коробейникова Л. А., Гиль А. Ю. Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 105-109.

Костенко В. В., Понарин Э. Д., Стребкова О. Н. Влияние исторических процессов на гендерные установки в странах арабского Востока // Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 126-146.

Куркина Е. С., Князева Е. Н. Методология сетевого анализа социальных структур // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 120-135.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3-14.

Михалева А. В. Исламский феминизм Сейран Атеш // Вестник Пермского научного центра. 2018. № 4. С. 62-74.

Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74. № 2. С. 112-138.

Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74-80.

Саттарова, А. И., Фазлиев А. М. Образ татарской женщины-мусульманки и развитие женского движения в контексте исторической памяти: возрождающиеся и новые традиции // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. Ч. 2. С. 29-33.

Сиражудинова С. В. Гендерная стратегия и женская активность на Северном Кавказе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1-2 (25). С. 278-286.

Сиражудинова С. В. Женщины и женская активность в развитии гражданского общества на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2021. № 3. С. 139-142.

Фролова Л. Н. Статус женщины в исламе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 148-154.

Хайрутдинов А. Г. Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). Казань: изд-во Иман. 1999. 127 с.

Antonova Yu. A., Siradzhudinova S.V. Report based on the results of a qualitative study on female genital mutilation performed on girls in the Republic of Dagestan, Russian Federation. Russian Justice Initiative. 2016. 41 p.

Bracke S. Subjects of debate: Secular and sexual exceptionalism, and Muslim women in the Netherlands // *Feminist Review*. 2011. № 98. Pp. 28-46.

Glas S., Alexander A. Explaining Support for Muslim Feminism in the Arab Middle East and North Africa // *Gender & Society*. 2020. № 34 (3). Pp. 437-466.

Glas S., Spierings N., Scheepers P. Re-Understanding Religion and Support for Gender Equality in Arab Countries // *Gender & Society*. 2018. № 32 (5). Pp. 686-712.

Hirji F. Claiming our Space: Muslim Women, Activism, and Social Media // *Islamophobia Studies Journal*. 2021. № 6 (1). P. 78-92.

Massoumi N. The Muslim woman activist: Solidarity across difference in the movement against the «War on Terror» // *Ethnicities*. 2015. № 15 (5). P. 715-741.

Mengia Hong Tschalaer Muslim Women's Rights Activists' Visibility: Stretching the Gendered Boundaries of the Public Space in the City of Lucknow // *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. 2015. URL: <http://journals.openedition.org/samaj/3928> (accessed 11.11.2021).

References

Albogachieva, M. S.-G. (2018), "Women's Sufi practices of loud dhikr in Ingushetia", *Islam in the modern world*, (2), 149-164. (In Russian)

Antonova, Ju. A. and Sirazhudinova, S. V. (2018), *Praktiki kalechashhih operacij v respublikah Severnogo Kavkaza: strategii preodolenija* [Practices of FGM in the Republics of the North Caucasus: Coping strategies], Publishing solutions. (In Russian)

Baltanova, G. R. (2007), *Musul'manka: istorija i sovremennost'* [Muslim Woman: History and modernity], Kokpit-komp'juter, Kazan. (In Russian)

Brileva, D. O. (2018), "To a woman and through the mouth of a woman: a Muslim woman in the Tatar periodical press of the early twentieth century", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, (2), 17-36. (in Russian)

Venta, R. (2012), "The evolution of the image of a Muslim woman in the studies of the XX-XXI centuries", *Woman in Russian Society*, (1), 81-88. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. and Rabat, L. (2020), "The role of women in the political discourse of Muslim countries", *Islamic Studies*, 11 (3), 5-23. (in Russian)

Garaev, D. M. (2019), "Muslim women's organizations in Tatarstan: between rationalization and modernization", *Minbar. Islamic Studies*, 12 (4), 985-1000. (In Russian)

Guzel'baeva, G. Ja. and Mchedlova, M. M. (2020), "Muslim communities in Kazan at the beginning of the XXI century: the reasons for the rise and decline of Islamic youth activism", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 247-268 (In Russian)

Gusenova, D. A. (2021), "Women's practices" in non-canonical pilgrimage in Islam", *Islamic Studies*, 12 (2), 71-83. (In Russian)

Davletshina, L. Sh. (2009), "Charitable activities of Muslim women in the educational sphere", *Scientific notes of Kazan State University*, 151 (2), 106-110. (In Russian)

Zajakina, R. A. (2016), "Topological representations in relational network theory", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 10 (392), 78-83. (In Russian)

Pateev, R. F., Gil'mutdinov, D. R. and Zakirov, A. A. (2021), *Islam and Religious Activism in the Republic of Tatarstan: A collective monograph*, Publishing House of the Academy of Sciences of RT, Kazan. (In Russian)

Knjazeva, E. I. (2006), "Network theory in modern sociology", *Sociology*, (2), 82-88. (In Russian)

Korobejnikova, L. A., Gil', A. YU. (2010), "Network structures in the context of globalization", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 316 (6), 105-109. (In Russian)

Kostenko, V. V., Ponarin, Je. D. and Strebkova, O. N. (2019), "The influence of historical processes on gender attitudes in the countries of the Arab East", *Oriens*, (1), 126-146. (In Russian)

Kurkina, E. S. and Knjazeva, E. N. (2017), "Methodology of network analysis of social structures", *Philosophy of Science and Technology*, 22 (2), 120-135. (In Russian)

Mal'ceva, D. V. (2018), "Network approach as a phenomenon of sociological theory", *Sociological research*, (4), 3-14. (In Russian)

Mihaleva, A. V. (2018), "Islamic Feminism Seyran Atesh", *Bulletin of the Perm Scientific Center*, (4), 62-74. (In Russian)

Oleskin, A. V. (2013), "Network structures in biosystems", *Journal of General Biology*, (2), 112-138. (In Russian)

Пырма, Р. В. (2020), "Concepts of civic activism in the digital space of communications", *Power*, (2), 74-80. (In Russian)

Sattarova, A. I. and Fazliev, A. M. (2015), "The image of the Tatar Muslim woman and the development of the women's movement in the context of historical memory: reviving and new traditions", *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 4 (2), 29-33. In Russian)

Sirazhudinova, S. V. (2021), "Gender strategy and women's activity in the North Caucasus", *Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art history*, 1-2 (25), 278-286. (In Russian)

Sirazhudinova, S. V. (2021), "Women and women's activism in the development of civil society in the North Caucasus", *Questions of History*, 3, 139-142. (In Russian)

Frolova, L. N. (2009), "The status of women in Islam", *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*, (2), 148-154. (In Russian)

Нажрутдинов, А. Г. (1999), *The Last Tatar Theologian (The Life and Legacy of Musa Jarullakh Bigiev)*, Iman, Kazan. (In Russian)

Antonova, Yu. A. and Siradzhudinova, S. V. (2016), Report based on the results of a qualitative study on female genital mutilation performed on girls in the Republic of Dagestan, Russian Justice Initiative, Russian Federation.

Bracke, S. (2011), "Subjects of debate: Secular and sexual exceptionalism, and Muslim women in the Netherlands", *Feminist Review*, (98), 28-46.

Glas, S. and Alexander, A. (2020), "Explaining Support for Muslim Feminism in the Arab Middle East and North Africa", *Gender & Society*, (3), 437-466.

Glas, S., Spierings, N. and Scheepers, P. (2018), "Re-Understanding Religion and Support for Gender Equality in Arab Countries", *Gender & Society*, (5), 686-712.

Hirji, F. (2021), "Claiming our Space: Muslim Women, Activism, and Social Media", *Islamophobia Studies Journal*, (1), 78-92.

Massoumi, N. (2015), "The Muslim woman activist: Solidarity across difference in the movement against the "War on Terror", *Ethnicities*, (5), 715-741.

Mengia Hong Tschalaer (2015), "Muslim Women's Rights Activists' Visibility: Stretching the Gendered Boundaries of the Public Space in the City of Lucknow", *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, available at: <http://journals.openedition.org/samaj/3928> (Accessed 11 November 2021).

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2021 г. Поступила после доработки 01 июня 2022 г. Принята к печати 02 июня 2022 г.

Received 21 November 2021. Revised 01 June 2022. Accepted 02 June 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гибадуллина Миляуша Рустамовна, научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Gibadullina Milyausha Rustamovna, researcher of Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Кусанова Динара Сырынбетовна, младший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Kusanova Dinara Syrynbetovna – junior researcher of Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.